

A hand holding a white mug filled with brown coffee. The hand is wearing a thick, multi-colored striped knit sweater with yellow, white, and dark purple stripes. The background is a dramatic sky with dark, heavy clouds and a lighthouse tower visible in the upper right corner. The entire scene is framed by a white double-line border.

Погода для свитера

Александра Тонкс

Александра Тонкс

Погода для свитера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006196

ISBN 9785449651181

Аннотация

Возможно, завтра оборвётся ваша жизнь. У вас есть лишь одна ночь и телефон, чтобы позвонить кому-то. Кому вы позвоните? Что вы скажете ему? Эми всю жизнь провела в окружении собственных тайн, у неё нет родственников, её супруг в больнице на подготовке к серьёзной операции по спасению его жизни. Ей практически совсем некому позвонить, чтобы рассказать о том, сколько она прошла испытаний, путешествуя по городам, и почему оказалась на уединённом острове на краю света. Позвольте ей позвонить вам?

Содержание

Пара слов до того, как Вы окунётесь в это «безобразии»	5
I	7
II	27
ГОРОД НОМЕР ДЕВЯТЬ	37
СПИСОК ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ ОСТРОВА	39
III	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Погода для свитера

Александра Тонкс

© Александра Тонкс, 2019

ISBN 978-5-4496-5118-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пара слов до того, как Вы окунётесь в это «безобразии»

Книга посвящена тому, кто её никогда не прочитает — моему лучшему другу и «мушкетёру». С огромной благодарностью за то, что он был в моей жизни и остаётся в ней по-прежнему, но уже немного иначе.

Я приветствую Вас на книжных станицах, и сообщаю, что друг считал, роман о нём должен начинаться фразой: в конце этой истории все умрут.

И если особо пугливые отпрянули, не решившись читать её дальше, оставлю пару пояснений от себя: я лишь хочу сказать, что по большей части завершение этого произведения будет зависеть именно от Вас самих. Постарайтесь не увидеть последние страницы книги раньше времени, однако я советую пролистать в самый конец книги в том случае, если Вы хотите, чтобы Ваше чтение сопровождали те же песни, которые шли рядом с автором во время её написания. В приложении Вы найдёте список «саундтреков».

Если бы не наставление друга, я сказала бы, что это книга о самоотверженной любви и о таких её последствиях, как одиночество.

Здесь мы будем разговаривать только о том, стоит жить для себя или для кого-то другого, здесь мы будем слушать человека, загнанного в угол, возможно, его последней ночи, и вместе с ним задаваться вопросом, правильно ли всю жизнь посвящать не себе.

Но не забывайте, что этот одинокий человек — не я.

Найдём ли мы ответы на вопросы? Чьи слова окажутся правдивыми — мои или моего друга? Решать Вам, дорогой читатель, если Вы решитесь перевернуть страницу. Я буду с Вами рядом на протяжении всего пути.

Благодарность за поддержку в написании «Погоды для свитера» выражается моей любимой маме. А ещё моим близким друзьям и помощникам — Нине Борисовой и Юлии Салминой.

I

8.10.2017. 21:31.¹

Артур, здравствуйте, Вам звонит эМи. Я знаю, что уже поздно для разговоров, но мне необходимо прервать диалог моих часов со мной. Они решили по какой-то причине, что мне интересна каждая секунда уходящего времени, а я в таких вещах не привыкла признаваться.

Артур, я надеюсь, Вы перезвоните мне. Иначе пострадает мой заложник. Ваша карточка с телефоном.

Есть опасение, что мы больше не сможем поговорить.

21:48.

Простите меня. Ваша тишина права, это очень глупо. Или назовём это более вежливо — поздно. И не слушайте моё «не сможем поговорить», это так, чушь. Доброй Вам ночи.

21:57.

Артур, если бы Вы знали, как трудно разговаривать с трубкой, которая не умеет читать мои мысли так, как это делает

¹ Это время, в которое приходит голосовое сообщение, а не время начала его записи.

ЭМ, держа меня за руку.

Наверное, наша с ним разница в возрасте дала ему преимущество: он ориентируется в мире людей лучше меня. Он восприимчивее и внимательнее по отношению к людям. Вы любите давать советы, Вы бы непременно рекомендовали мне брать пример с него.

Да, я слишком поздно поняла, почему Вы не сможете мне ответить. У Вас сейчас уже утро, Вы сонный, только что пришли с работы, тягучей ночной смены, и вместо того, чтобы обняться с подушкой, Вы добросовестно слушаете голосовые сообщения. И втайне надеетесь, что не зря потратите время, которое уже могло бы пойти на сон. С момента нашего знакомства я ни разу не сделала Вам ни одного комплимента, но Вы должны знать, что эта добросовестность делает Вас настоящим врачом.

Итак, у Вас ночная смена и другие пациенты, а я выбрала своим собеседником Ваш телефон. Это будет совсем бредовой идеей — превратить наш диалог, о котором я просила, в мой монолог? Но в нужные моменты я могу пытаться прерывать его фразами, которые могла бы услышать от Вас. Как Вы оцениваете мои знания о Вас, Артур?

Вот сейчас Вы совершенно точно дали уклончивый ответ, который бы меня не обидел, но ни в коем случае не убедил бы меня в том, что я Вас знаю. Ведь Вам известно, как очаровывать людей, а значит, Вы всегда захотите оставить за собой хотя бы тень загадочности. Я права? Что ж, раз я

права, значит, я вполне могу немного пообщаться с Вами и в Ваше отсутствие. Таким образом Вы не оставите сразу два поста, на которые Вы подписались: медицинский пост в больнице имени Елены Грин и пост дружбы в моей жизни.

Знаете, в тот день, когда мы с ЭМ вернулись из Вашей больницы впервые, меня уже одолевало странное предчувствие. Было ощущение, что предстоящая напасть наступит мне на пятки. Но только мне одной, что случается очень редко, ведь с ЭМ мы идём в ногу: догнавший меня догоняет и его. Однако это был только мой преследователь, по беззаботному виду моего мужа я догадалась, что его пятки в полной безопасности.

Мы придвинули кресла почти вплотную к приоткрытому окну, поставили их друг напротив друга, отгородились от холодного воздуха шторой. Он сел слева от окна, а я — справа, и он открыл книгу на той странице, где мы остановились на вчерашнем сеансе чтения. Вытянули ноги — каждый на кресло другого. Это всё — совершенно обычный для нас с мужем ритуал, о котором никто до сей поры не знал. Общение с книгой.

Не могу сказать, сколько страниц ЭМ понадобилось, чтобы заметить, что я не слушаю. Он понял это по моему взгляду: я смотрела на него в упор, как будто раньше не видела никогда, а прежде, чтобы лучше представлять всё то, о чём он читает, я держала взгляд на узорах штор или вовсе закрывала глаза.

– Ты тоже считаешь, что лучше не говорить о предчувствиях? — спросила я его, чтобы отвести от себя вину за нарушение нашего чтения.

– Да, я бы не советовал. О плохих во всяком случае.

– Почему?

– Просто мысль материальна, вот и всё.

– Похоже на аксиому, в которую мы обязаны верить на слово.

– Тогда я докажу тебе её. — Я заметила, что он положил закладку ровно на то место, где мы остановились вчера, и после этого захлопнул книгу. — Допустим, мне в голову пришло, что завтра со мной случится беда, и никак мне из головы эту мысль не выкинуть. Чтобы она не донимала меня, я решаю поделиться ею с тобой, надеюсь выпустить её наружу, но на самом деле она всего лишь размножается. Не покидает меня, но в то же время поселяется у тебя. И теперь мы оба думаем об одном и том же. Ты, в свою очередь, можешь поделиться этим с другими, и число думающих от этого увеличится. Так и материализуется мысль: то, о чём думают одинаково сразу несколько человек, уже можно считать реальностью.

Мы больше не притронулись к этой книге в тот день. Так и сидели с протянутыми мостами из наших ног между креслами. Смотрели в окно кабинета. В отличие от нашего предпоследнего места жительства здесь есть куда посмотреть, Артур. Нам это ещё не приелось так, как Вам.

И только когда стемнело, я, наконец, догадалась. Я, ничего не сказав, невольно поделилась с эМ своими страхами, и теперь мы думали одну и ту же мысль, которая потихоньку начала становиться реальностью.

Вот почему было правильно ничего Вам не говорить. Вот почему и сейчас нам не стоит этого делать. И Вы бы нехотя согласились со мной.

Но ведь никто не запрещал нам просто разговаривать, верно?..

22:09.

Не знаю, кто вообще решил, что проще всё рассказывать человеку, не видя его. Только что я пыталась написать Вам письмо. Если устно из меня выходят хоть какие-то слова, то письменно я сдалась на четвёртом предложении. Я слишком привыкла сверяться с внимательными глазами и считывать знаки того, что меня слушают. Я считаю, что это правильно, только так и стоит открывать рот. Откуда мне знать, не успели ли Вы уснуть к моему четвёртому голосовому сообщению?

И стоит ли говорить, что это моё четвёртое голосовое сообщение в жизни?

Отлично слышу Ваше: «Я не удивлён». Ведь Вы тоже изучали меня, как и я Вас, и даже пристальнее, чем бы следовало. В Ваших знаниях осталось не так много пробелов, но все

они довольно большие. Кто знает, может, Вы могли бы их заполнить целиком, если бы мы сегодня поговорили.

Нет, нет, нет, я совсем не пила, чтобы развязать себе язык. Если по правде, мне и нельзя ни капли, особенно сейчас. За-мечательно развязывает долгое молчание. Если всю жизнь так фильтровать свою речь, как это делаю я, можно постоянно слышать тиканье наручных часов, таких, как мои, и понять, что это бомба внутри тебя, и она рванёт, когда места для сдержанных слов не останется. Не к этой ли бомбе Вы прислушивались всегда, когда замолкали?

За время наших переездов мне многократно встречались люди, подобные Вам, Артур. Буквально каждую нашу остановку на новом месте. Похоже, в каждом обществе есть такой человек, которому хочется узнать, что за стенами моего дома, и так получается, что именно он-то в этом обществе мне нравится. Именно я ему не в силах нагрубить и отправить на приличное расстояние от себя раз и навсегда — ровно настолько же, насколько и не в силах подпустить к себе. Это непременно человек широкого круга интересов и чем-то выделяющийся среди других. Он категорически не курит в противоположность не берегущему лёгкие эМ. Он очень уважаем в своей среде. Он работает с людьми, и люди любят его. По выходным он часто встречается на улице. И если это не харизма так притягивает к нему, то какой-то чертовски занятный вид обаяния. А в глубине души... он считает, что видит что-то, чего не видит никто.

Например, меня. Настоящую меня, по его мнению. Среди всех людей, которым я кажусь странной, он считает, что понимает лучше всех суть этой странности. И считает нужным дать мне это понять своими тайными жестами.

С первой нашей встречи я поняла, что Вы именно такой. Видимо, я научилась определять эту касту с одного взгляда. Мир не переворачивается, когда я смотрю на этого человека, притяжение Земли не перестаёт на меня действовать, и в животе не просыпаются никакие бабочки, но... вместе с ним всегда открывается что-то новое. Следующая глава.

Я бы рассказала Вам подробнее о Ваших предшественниках, но я точно знаю, как важно быть одним в своём роде и как неприятно слышать об обратном. Вы один, Артур. И в то же время Вы — частица потока чужих людей моей жизни...

[шёпотом]

Но даже частица из Вас особенная, надо сказать.

22:43.

Я сильно призадумалась над тем, **что** только что открыла Вам, и внезапно поняла, что Вы даже не знаете правды о количестве моих переездов. Конечно, Вы подозревали что-то такое, а узнать точно не могли. Знаете, моя жизнь точно измеряется не годами, а этими переездами. Раз уж я осмелилась сказать всё, что сказала, то пора открыть и это.

Мне было шестнадцать лет, когда мы с моим будущим мужем впервые тронулись с места. За день до этого ЭМ исполнилось двадцать. Мы сочли это за знак того, что пора двигаться в свой собственный путь. Хвататься за независимость. Вы читаете книги и смотрите телевизор, Артур, от чего, по Вашему, бегут сироты? От плохого обращения или ощущения клетки? Думаю, всё это вторично. Скорее мы бежали от того, чего мы не получили. Нет-нет, мы даже не бежали. Гордо вышли на улицу и пошли своим размеренным шагом туда, куда указывали прохожие. Где, по их словам, находился вокзал. Нас никто не ловил и не преследовал, и именно поэтому мы не оглядывались — там, позади нас было слишком пусто. Я не считала себя подростком, а ЭМ и вовсе чувствовал себя сорокалетним, если верить его заверениям, сейчас это даже смешит меня. Но женщину, которая продавала нам билеты, и очередь за нами мы очень сильно по-детски так разозлили: они ещё никогда не видели, чтобы кто-то так долго выбирал город, в который едет, просил кассиршу произнести его название с правильным ударением и говорил свои ассоциации с тем, как оно звучит. Хихикаете, Артур? Я тогда тоже хихикала, а сейчас мне немного грустно от того, что за этими названиями ничего из наших ассоциаций не прячется.

[пауза]

Итак, наш первый переезд. Декабрь, автобус не желает делиться теплом, мы жмёмся друг к другу как парочка щенят,

удивляемся тому, какая долгая дорога, а потом автобус останавливается и водитель говорит, что дальше он не едет. Мы выбираемся туда, где ещё холоднее, чем в нашей прежней жизни, и не верим, что это тот самый город, который мы выбрали. Он оказался немногим больше города, в котором мы выросли. Мне бы очень хотелось обойтись без общепринятых названий, поэтому давайте называть его Первым городом.

Что же я помню о Первом городе?.. Пожалуй, прежде всего он запомнился мне снегом. Я в жизни до этого не видела столько снега. В нас проснулись дети, устраивавшие гонки: кто дальше пройдёт по огромному сугробу и не провалится. Конечно, выигрывала чаще всего я, потому что я меньше и легче, но ЭМ был очень хитёр и часто пользовался моей невнимательностью и своей хитростью, отвлекая меня и заставляя шагать туда, где я провалюсь быстрее. Именно там мы... хотя скорее только я поняла, что Рождество устраивает не Санта, а мы сами. Все праздники рождаются у нас в голове и не зависят от того, в каком настроении твой воспитатель. Снежный Первый город любил Рождество и приучил нас тоже любить его.

Как говорил он сам, ЭМ нашёл здесь работу своей мечты, которая совсем не вязалась с предыдущими его принудительными нагрузками. Его взяли продавцом в книжный магазин, и мы не могли представить себе что-то более замечательное. Свои деньги. Деньги, с которыми можно делать

всё, что захочешь, хотя они в основном покрывали съём жилья. И книги. Помните нашу библиотеку? Она родилась там, в том книжном магазине «Лавка чудес». Родилась в виде одной книги, первой непотрёпанной книги, которую я держала в руках. Наш собственный экземпляр «Портрета Дориана Грея», который он однажды принёс домой. Как котёнка за пазухой, пряча от снегопада. До сих пор это любимая его книга... вот она, я и сейчас вижу, как она гордо стоит на полке. Ждёт своего хозяина домой не меньше меня.

[пауза]

Тысяча извинений, я не о том задумалась.

В рабочее время ЭМ поглощал книги при любом удобном случае, а после работы рассказывал мне всё, что прочитал. Меня же посреди учебного года не взяли в колледж, не согласились принять и в две школы — только на третьей мне повезло. Директор был недоволен «занятостью» моих родителей, которые даже не могут привести меня в новую школу, но всё же не счёл это за повод лишать меня образования. Правда, мне пришлось повторить уже пройденное — меня взяли в класс меньше, чем мне полагалось. Я как будто осталась на второй год.

Знаете, что больше всего тогда удивило меня? Эта возможность начать всё заново. То, как приятно в глазах твоих одноклассников не видеть отражение всей своей старой истории. Они ничего обо мне не знали. Я могла сама управлять их знаниями. Я могла рассказать им о себе что угодно,

заставить их думать обо мне всё, что мне самой хотелось, а не терпеть их мысли о моей правде. На такие возможности подсаживаешься, как на наркотики. Может быть, это очень пагубная привычка — при любой своей новой ошибке сразу думать, как бы всё стереть и начать заново. Ведь так мы и начали поступать, Артур. Так мы сделали и тогда.

Из своего магазина он приносил книги, которые не покупал, а просто уносил, когда считал, что этого никто не замечает. И порядка четырнадцати раз, если память меня не подводит, у него это получилось. Когда владельцу магазина стало понятно, что книги выносят не разные люди, а явный серийный книжный маньяк, под подозрение попали несколько продавцов, включая и ЭМ. Он был под наибольшим подозрением, ведь с его появлением и начались кражи. Ни врать, ни сознаваться, отдавать книги и платить штраф — ничего из этого ему не подходило. Мы покинули Первый город после четырёх месяцев своей жизни в нём. Снег начал исчезать, и мы тоже исчезли.

Перед отъездом во Второй город мы решили выбрать подходящее название заранее, до посещения вокзала. Нам приглянулось два слова, пришлось бросить монетку. Эта монетка и сейчас со мной, лежит на столе, за которым я устроилась, чтобы с Вами поговорить, ждёт, когда я снова признаюсь, что не могу сама что-то выбрать. А тогда её ответом был орёл, и мы полетели за этим орлом на другой конец страны, где нас совсем не ждали. Об этом городе мы никогда ничего

не слышали даже отдалённо, и как оказалось, потому что это был очень маленький город. Всю дорогу ЭМ говорил только о новой работе в другом книжном магазине, которой он грезил, и когда он задремал, ему приснился собственный магазин. Он видел вывеску и витрины, точно знал, из какого дерева будут полки, и пообещал, что всё это будет сюрпризом для меня. Он говорил, что только тогда, когда превратит свою мечту в реальность, я смогу узнать, что именно он видел. Как Вы можете догадаться, Артур, я до сих пор не побывала в этом прекрасном магазине даже в своём воображении.

Когда поезд высадил нас, Второй город встретил нас не так радушно, как его предшественник. Весна смывала снег, разбросанный зимой, и вместе с землёй обнажала всю неприветливость этого мира. Средств нам хватило на жильё немного лучше, чем в Первом городе, но это слабо утешило ЭМ, в котором не нуждались два книжных магазина, что он там нашёл. К такому варианту мы оказались не готовы. Мы даже вообразить его не могли. Забавно, правда?

Второй город был полным антиподом Первого, и здесь меня снова приняли к старшеклассникам, но теперь уже точно по моему возрасту. Если раньше я задержалась на уже пройденной программе, то теперь вынуждена была догонять всех по материалу, которого не изучала вовсе. На втором нашем побеге всё снова проходило под прежним лозунгом: «не так, как в нашем представлении».

Там мы узнали, что такое замкнутый круг людей. Любо-

пытных людей, которые настороженно относятся к приезжим. Как к новому незнакомому виду развлечения. Не понятно, с какой стороны перебивать кости и не чревато ли это чем. Оттуда ЭМ прихватил всего одну книгу и не потому, что не читал её, а скорее... знаете, как будто просто хотел освободить её от вечного магазинного плена. ЭМ переработал на пяти или шести разных работах, когда он вернулся с последнего своего рабочего дня и сел передо мной за стол, где я делала уроки, подождал, пока я присмотрюсь к его уставшему лицу, и безо всяких слов, одним только взглядом попросил меня о новом побеге. Я знала, что это произойдёт. Я ждала этой просьбы. Я боялась произнести её сама. И взглядом я пообещала ему уехать.

Мы собирали вещи без сожаления. Я уже знала, как тяжелеют руки, когда ты что-то оставляешь в городе, из которого бежишь, как они ленятся паковать чемодан, но это был не такой случай. Среди любопытных и неискренне сердобольных людей не нашлось для нас друзей. ЭМ две недели ждал, пока я закончу учёбу, сдам экзамены, а сам тем временем выбирал новый город. Мы не сговаривались, ничего не обсуждали, всё происходило под завесой тишины. На сей раз он осознанно выбрал для нас мегаполис, до которого нужно было много часов добираться на поезде. Мне уже было семнадцать — исполнилось в мае. Получив свои оценки и документы, я вышла из школы, возле которой с вещами ждал меня ЭМ, и мы отправились догонять поезд, на который опаздывали.

Теперь мы больше не строили надежд: нам слишком не понравилось то, как они рассыпаются.

Мы молчали всю дорогу и не хотели ни о чём думать, но я знала, что он невольно возвращается мыслями к книжным полкам и ценникам с именами авторов. Потом сразу же гонит от себя свои мысли, трясая головой, как собака, но спустя время они снова заползают к нему в черепную коробку. Что происходило внутри меня, я не помню. Кажется, я была очень недовольна тем, что не позволяла себе детские мысли, уютные, полные светлой веры, обнадёживающие и согревающие. Я знаю, Вам это должно быть знакомо.

После вакуумной тишины Третий город встретил нас очень шумной автострадой. Мы приехали поздно вечером и приготовились вглядываться во тьму, но были ослеплены огнями, которые отрицали существование ночи, отрицали ночной покой и сон. Они только кричали о том, что жизнь после девяти часов вечера ничем не уступает по своей интенсивности дневной. Тогда мне так не казалось, но сейчас я понимаю, что мы были ещё слишком доверчивы. И мы поверили этим огням Третьего города.

Поселившись на окраине — и то в долг, подальше от пёстрого центра, к которому тянуло, как магнитом, мы бросили ночной сон. Мы подсели на новый ритм жизни. Редко бывать дома и даже гордиться, если за сутки совсем не появляемся там. Грести себе как можно больше разнообразной работы. Если кто-то из нас оставался менее, чем с двумя работами,

он старался это скрыть. И, конечно, отдых, новый, неизведанный отдых любым путём — обманным в силу расценок и возрастных регламентов или дешёвым, неограниченным. Нам казалось, что теперь мы по-настоящему глотаем жизнь вместе с алкоголем. Навёрстываем упущенное. И, наверное, мы гордились каждым часом, который был лишён законного сна. Хвалились, хвалились, неестественно громко смеялись. Что это такое, Артур? Нет, это не Третий город. Это возраст. Время бросать вызовы своему здоровью.

Мне казалось, у меня много друзей и то, что почти все они были однодневками, меня мало заботило. Неизвестно, сколько бы это продолжалось и кто бы решился первым признаться, что всё это — мишурная глупость, если бы не очередное моё увольнение и погоня за новой работой. Когда я пришла на собеседование... [*пауза, тяжёлый вздох*] Не имею понятия, как Вам объяснить это. Если Вы никогда не переезжали, Вы не знаете, что это такое — сорняки из прошлой жизни, которые не должны были взойти на новом месте. Я не могу рассказать Вам, кого именно я увидела. И как могла произойти такая встреча далеко от места моего рождения. Но наш разговор был недолгим. Настоящая отрезвляющая пощёчина, которая заставила меня быстро покинуть это место. Я бежала оттуда на поиски ЭМ и знала, что за мной уже гонится прошлое, готовое затянуть меня в старое болото. А сопротивление моё, знаете, почему-то всем кажется обычно таким неуверенным, точно я на самом деле хочу того, че-

го вообще-то не хочу. Это часто придавало сил моему... болоту.

Я помню, как влетела в квартиру и начала бездумно собирать свои вещи. Как первым делом сложила новые книги и новую одежду. Как внезапно осознала, что мы со своими работами получили достаточно денег, чтобы снимать себе более приличное жильё, но не делали этого. Почему? Я помню, как подошла к календарю и поняла, что мы провели в Третьем городе практически целых три года. Поняла, что не знаю, где ЭМ отмечал свой двадцать первый и двадцать второй дни рождения, и куда ушло наше Рождество. Поняла, что скоро мне самой будет целых двадцать. Я просто выпила залпом это время и не ощутила ничего, кроме странного горько-кислого послевкусия. Выкурила как ЭМ дешёвую сигарету, и остался у меня в руках только бесполезный бычок — сдача.

Два часа я сидела на собранных вещах в полной темноте, боясь включить свет. В окно уже лезли настырные ночные огни Третьего города, когда ЭМ вернулся домой. Всё в той же темноте мы договорились о новом отъезде. На примете не было ни одного города, ни отголоска идеи, и уже на выходе из дома ЭМ спросил, почему мы обязательно должны переезжать в другой город всё *той же* страны, где мы оба родились. Не найдя ответа на этот вопрос, мы... да, Артур, мы просто сделали этот размашистый шаг за границу. И больше не возвращались на родину.

А потом были Четвёртый, Пятый, Шестой, Седьмой и Восьмой города. Похоже, их детали уже смешались в общей массе, хотя объединяет их только то, что я и не знала об их существовании до тех пор, пока мы с ЭМ не приобрели до них пару билетов, надеясь оставить огромный груз позади себя.

А душевный груз, он, знаете ли, льготник. И всегда умудряется рано или поздно догнать нас и без своего билета. Ему не нужно ни за что платить. Он путешествует по теням и со своим прибытием утешает себя иллюзией, что я рада его видеть.

Мы кочевали пять с лишним лет, пока не прибыли на этот остров, где и встретились с Вами. Девятый город, отрезанный от мира. Именно это высокомерное расстояние, на котором город находится от континента, и привлекло нас с ЭМ так сильно. Говорю за нас обоих, хоть мы и никогда не обсуждали это. Вы — одна из главных деталей этого города, такая же важная, как и море, охраняющее наш остров.

И вот мы уже почти целых десять лет в бегах от своих городов. Но когда сны решают показать мне свои новые идеи, впускают в себя главных героев моего подсознания, фоном этих грёз всегда остаются родные края: Город-Приют, где я появилась на свет, Первый, Второй и Третий город.

Эпиграф, предисловие, вступление

Упырь говорит, что материальное состояние человека измеримо тем, что у него никто не сможет отобрать.

Свой досуг этот Упырь посвящает тому, что пересчитывает своё состояние. И даже когда он делает это мысленно, я всегда могу определить это по его лицу. Ровно половина рта искривлена в ухмылке. Взгляд такой, каким на досуге читают детектив, приперчённый грязной интригой. Из этих мыслей его лучше не вынимать. Пока Упырь там, он как будто не одним воздухом со мной дышит.

Не пойму только, кой чёрт он делает это каждый день, если его состояние за сутки не меняется. Вот мне бы хватило всего одного раза на всю жизнь.

СПИСОК ТОГО, ЧТО НИКОГДА НИКТО У МЕНЯ НЕ ОТНИМЕТ

1. Беличья кисть, на самом кончике древесины обглодана котом. Как бы он ни пользовался своим природным обаянием, я не дам ему окончательно съесть её. Эту кисть мне раздобыла Она.

2. Брелок, который выглядит как старый, помятый кожаный баширек. Он старше меня, потому что пришёл ко мне ещё из маминого детства. Это моё наследство и самое чёткое воспоминание о маме. Когда нам, ещё совсем мелким, становилось скучно и Она хотела меня развлечь, Она просовывала в ботинок палец и шагала им по полу, придумывая

на ходу новую сказку о приключениях Однотопы. Жаль, мы их не записывали. Сейчас бы уже издали её сборник, а Однотоп был бы знаменитостью.

3. Фонарик, который я стащил у отчима. Я зову его Предателем, хотя на самом деле я его просто вынудил предать прежнего хозяина, забрав силой. Но Упырь — так себе хозяин, пропажу-то он заметил только неделю спустя, а Предатель отлично помогает мне по ночам.

4. Записная книжка на 1995 год. Кажется, 95-ый год не слишком удался, раз ею своевременно не воспользовались. Да, здесь немного мешаются даты, разделение на дни недели, но это не останавливает меня от того, чтобы периодически что-то сюда писать. Вот прямо сейчас. Писать поверх старого, пожелтевшего времени, отдаёт замахом на исправление истории.

5. Мама. Иногда я чувствую, как эта точка у меня на пояснице волнительно пульсирует. Сразу хочется её крепко зажать, как при сильном кровотечении. У нас с мамой одна болезнь на двоих, и даже если Упырь однажды перечеркнёт последние хорошие воспоминания о ней, болезнь никуда не денется.

6. Ненависть к отчиму. Она как моё реактивное топли-

во, и однажды я улечу на нём подальше отсюда, забрав Её с собой.

М

II

23:09.

Никогда не понимала эту современную манеру людей — оставлять голосовые сообщения. Теперь, когда сама набираю Ваш номер раз за разом и невольно загружаю ваш автоответчик, я наконец-то осознала, что это такое.

Голосовые сообщения — одинокие и неполноценные телефонные звонки. Как дети, которых любит только один из родителей. Второй слишком занят другой семьёй или вообще не знает о своём потомстве, потому что на данном этапе его не планировал. Недокормленные, недолюбленные диалоги становятся монологами.

Мне впервые настолько не с кем поговорить, что я порождаю их. Один за другим.

23:14.

Здравствуйтесь, Артур, это снова я. Уверена, Вы уже надеялись, что это кто-то другой, такой же бестолковый и не смирившийся с вашим ночным дежурством.

На самом деле я хочу Вас побеспокоить только из-за одного. В последнем сообщении я сказала, что мне не с кем погов-

ворить, поэтому я и терроризирую ваш телефон, но очевидно, это ложь. Я знаю много номеров, которые всё ещё можно набрать в это время суток и это не будет невежливо. У нас с Вами замечательные соседи, некоторые из которых будут рады позднему гостю в моём лице. Тётушка Белла не только впустила бы внутрь, но и охотно поделилась бы при этом недавно испечёнными пирожками и договаривала бы за меня все признательные предложения. Агата предлагала бы с победным видом выпивку на двоих, чтобы откровения лились охотнее. Рубен бы организовал прогулку поближе к морскому шуму, и в ответ на мои слова молчал так же прекрасно, как эта телефонная трубка. Вы знаете, что эта радость отчасти фальшива, потому что для них мой стук в дверь — всего лишь надежда на то, что они получают новые зацепки к моей тайне, такой интересной для их обсуждения. Но — как здорово! — Вы всего лишь слушатель сегодня и не можете вставить это колкое замечание в поток моей речи.

Словом, на сегодня я могла бы найти себе кого-то более разговорчивого, чем ваш автоответчик. При желании.

Но когда я говорю Вам «мне нужно поговорить», это означает только одно: мне нужно поговорить именно *с Вами*.

Никаких приступов одиночества, заставляющих бесцельно слоняться от стены до стены. Я всегда точно знаю, каким делом заполнить свой досуг, и если оно не полезное, то по меньшей мере для меня очень приятное уж точно.

Никакого словесного зуда, подначивающего наговорить

хоть кому-нибудь что-нибудь. Я интроверт, которому это не свойственно, напоминаю Вам об этом впервые устно, а не тишиной в вашем обществе.

Никакой скуки, отдающей сонливостью и загоняющей людей стаями в интернет. Честное слово, у меня всегда есть я, а с собой мне не скучно.

И нет, мне совсем не важно, как кто-то другой мог бы окрасить эти мои ночные часы, я не хочу об этом думать. Меня не интересует, что могут в ответ мне сказать другие люди, если мои слова стремятся только к Вам, хотя сегодня Вы как ответчик, будем говорить прямо, на двоечку. Я сообщаю Вам, что хочу поговорить. Когда я произношу это, будьте уверены: это предназначено только Вам. Для остальных я всё тот же интроверт в коконе, не самым здоровым образом реагирующий на внешний раздражитель.

Я не хочу пирожков. Даже таких вкусных, как у тётушки Беллы.

Я не хочу выпивки, особенно в компании Агаты, пусть она и предложила бы что-то недешёвое. Тут не стоит и говорить о том, что мне сейчас никак нельзя алкоголь, я просто не хочу пить с Агатой. Да и она бы охотнее опрокидывала шоты с ЭМ, а не со мной. Или со мной, но только ради того, чтобы побольше узнать про ЭМ.

Я даже не хочу гулять, признаваться и слушать волны в ответ, хотя волны во многом лучше неловких ответов.

Я хочу поговорить *с Вами*, Артур. И Вы не имеете право

на этот запрос ответить переадресацией.

23:23.

Если Вам мешает посторонний шум, то это я тереблю вашу визитку. До сегодняшнего дня она жила в кармане моего пиджака и не покидала его пределов. Мне не хотелось, чтобы ЭМ уследил за тем, как я позволяю ей находиться рядом со мной. Сейчас его нет дома, и карточка под предлогом моего удобства переехала временно поближе к телефону.

Помните тот день, когда Вы оставили мне её? Мы договаривались о том, когда я и ЭМ придём в больницу, где Вы работаете, и Вы протянули её мне. Жест был таким резким, тогда мне показалось, что Вы уже давно ждёте повода для того, чтобы отдать её мне. И я почти произнесла вслух это своё подозрение.

– На этом маленьком острове, где все друг друга знают, Вы каждому соседу раздаёте визитки? — так я спросила, едва ли не смутив Вас.

– От прежних хозяев мне достался очень трудно запоминающийся номер. Но ещё более трудно мне было бы изменить его, так как с переездом в последний дом хлопот мне хватало, — ответили Вы.

ЭМ наблюдал за нами, мы стояли в прихожей, а он выглядывал из-за угла кухни. Я не видела, но чувствовала его взгляд, и протяни Вы мне тогда бумагу, я могла бы, стоя спи-

ной к нему, зарисовать его. Всё очень просто: он отражался в ваших глазах, которые постоянно проверяли, смотрит он за нами или нет.

Сейчас бы Вы не узнали свою визитку. Время моими пальцами потрепало её в те моменты, когда я нервничала и искала запасные выходы из ситуаций, в которые себя загнала. Она будто бы была тем самым запасным выходом. Крайним выходом. О нём напоминают, чтобы знать, что всегда есть куда отступить, но им стараются не пользоваться. Я не доставала её из кармана, но всё время запускала туда руку проверить, на своём ли она месте.

У Вас и впрямь трудно запоминающийся номер, Вы не сохранили! Сколько раз я набирала эту комбинацию цифр за сегодня, до сих пор не выходит этого сделать, не взглянув на подсказку. Когда работа позволит Вам обзавестись возлюбленной, и Вам захочется детских доказательств любви, не просите её сделать татуировку с вашим именем. Оно слишком уж распространённое. Пусть нарисует на себе ваши цифры.

Да, моё чувство юмора сегодня не в форме.

Артур, если я подсяду на голосовые сообщения и продолжу звонить Вам, я точно выучу эту проклятую комбинацию, пароль от удалённого доступа к Вам, шифр, взламывающий ваш слух.

А как было бы хорошо, если бы Вы всё-таки пощадили мою память. Постарайтесь хотя бы постараться.

Всё, кладу трубку. С надеждой, эМи.

23:43.

Знаете, как много вопросов появляется в тот момент, когда на них некому ответить? Вот я сейчас знаю как никто другой.

Больше всего мне интересно то, каким было Ваше первое впечатление обо мне. У разумного человека оно не может быть решающим, но о нём всегда вспоминаешь где-то в середине или конце пути, сравнивая его с тем, что знаешь теперь. И удивляешься совпадениям.

Какой Вы увидели меня, когда мы приехали? Уставшей, растрёпанной, загнанной в угол? Воодушевлённой, полной надежд, восторженной от красоты здешних пейзажей? Увидели ли Вы в этом человеке *меня*?

Помню всеобщее любопытство, прикованное к нам. Это похоже на слишком короткое платье, в котором некомфортно появляться на людях. Тысячи обычных движений становятся неудобными. И дело ведь не только в том, что мы переехали на остров, где редко появляется кто-то новый. Дело в том, что мы приехали *вместе*.

Молодые супруги, лелеющие свою любовь. ЭМ сказал, что мы больше похожи на героев фильма широкого проката, чем на реальных людей. Надо признать, его яркая внешность идеально подошла бы для такого кинематографа. ЭМ неохот-

но расцепляет наши руки, чтобы ответить на чужое приветствие. Я смотрю на эМ, прежде чем ответить на чей-то вопрос о нас, ищу поддержку в его взгляде. Нас окружают люди, и тогда мы прижимаемся друг к другу спинами, как закрывающиеся друг друга — от пуль. Вместо того, чтобы представиться нормальными именами назвались только буквами — эМ и эМи. Действительно картина, достойная экрана.

Мы контрастировали с действительностью, тем и прикоывали внимание. Вам всем — да-да, и Вам в особенности, Артур, — так страстно хотелось найти в нас какой-то изъян, который не вписывался бы в «экранную идиллию».

И вот Вы принялись искать. А я принялась Вам подыгрывать. Если мне нужен был собеседник вне общества эМ, я выбирала Вас. Если я видела, что Вы не знаете, под каким предлогом со мной заговорить, я подходила к Вам и ненароком показывала именно тот шрам на руке, который Вы ещё не видели. Я обдумывала вашу реакцию и считала, что точно знаю, что именно происходит у Вас в голове.

Вы теперь назовёте меня актрисой. И я искренне обижусь на Вас.

[пауза]

Что ж, может быть, Вы правы, но учтите: мой театральный реквизит и есть моя жизнь.

Это я явно сгоряча положила трубку, я ведь не всё сказала из того, что хотела бы сказать. Смешно, но... я и вправду обиделась. Заранее. Наперёд.

Вернёмся к вопросам. Мне, в самом деле, любопытно посмотреть на себя вашим первым взглядом. Только вспомнив о нём, Вы смогли бы объяснить мне одну важную вещь, которую я не могу выяснить, оглядываясь сквозь все свои путешествия.

Почему людей так тянет смотреть на тех, кто живёт по-другому, не так как они?

Что такого заманчивого они видят, прилипнув к чужому оконному стеклу, за которым живёт кто-то, кто сильно отличается от них? Отличается так, как я и ЭМ отличались от Вас.

Мне не хватает смелости постучать к соседям и спросить их об этом. Мне её не хватает, потому что она не нужна мне: я не хочу задавать этот вопрос чужим людям. А Вы... разве может человек, слушающий несколько ночных голосовых сообщений подряд, быть чужим? Разве что из-за того, что не ответил на звонки. У Вас-то на этот счёт причина уважительная.

Хотелось бы верить, что завтра Вы будете звонить и под звуки гудков формулировать ответы на вопрос.

«Би-и-ип» — «ЭМи, поверьте, я сам хотел бы знать, почему что-то незнакомое, инородное, чужое так притягивает взгляд, но я не психолог». Слишком обычно и вежливо, но с намёком на честность, — вот это в вашем стиле всецело.

«Би-и-ип» — «эМи, Вы слишком преувеличиваете, безусловно, нам всем было интересно смотреть на парочку, только что приехавшую к нам, здесь не часто бывают гости, но всё-таки, мы не прилипали к оконным стёклам». Если Вы хотите меня разочаровать, то это подойдёт.

«Би-и-ип» — «ох, эМи, Вы прибыли с континента, одевались и говорили по его моде, которая ещё не успела до нас дойти, мы обязаны были приглядеться к Вам, чтобы знать, стоит ли нам ровняться на материк». Нет, пожалуй, вот это даже куда большее разочарование, чем предыдущее.

«Би-и-ип» — «это же очевидно, эМи, женская половина населения, вне зависимости от возраста, просто вздыхала по вашему яркому мужу и завидовала вашим нежным прикосновениям, к которым никто здесь не привык, поэтому мы дружно взвешивали прочность вашего союза, оценивая шансы на ваш развод». Да, в этом случае Вы замечательно промолчите о мужской половине населения, к которой относитесь. А когда я это подчеркну, сделав вывод, что я куда менее привлекательна, чем эМ, Вы начнёте ещё замечательнее оправдываться. Это всё тоже слишком похоже на действительность.

«Би-и-ип» — «Вы должны знать, эМи: когда люди встречают того, кто живёт так, как они жить не осмелились, они всегда щедро одаривают вниманием этого человека; задаются вопросами: лучше или хуже ему живётся, могли бы ли и они жить так же, что бы они делали на его месте,

и почему же они всё-таки не оказались на его месте; а главное, что никак не даёт им покоя там, за оконным стеклом: в чём же они, недостатки вашей жизни, где же они, доказательства того, что Вы живёте хуже них». Это пришло бы Вам в голову на последнем гудке. И едва ли не сорвалось бы с языка. Наверное, это и было бы вашей правдой.

Мне неловко стоять в обществе книг и кистей ЭМ и разговаривать с Вами, сдирая кожу с ваших мыслей, да ещё и так настойчиво. Неловко, потому что он и сам как будто бы тоже здесь и всё слышит, а мне бы этого хотелось меньше всего.

– Почему тебе так важно его мнение? — спросит ЭМ у меня, подслушав всё, что я Вам наговорила.

Для того, чтобы подобрать ответ на его вопрос, у меня-то не будет гудков. И мне придётся наспех прийти к Выводу о том, что юлить бесполезно. Я не решусь посмотреть ему в глаза. Но всё же отвечу.

– Потому что нам очень часто важнее чужое мнение, чем полная правда, которую знаем только мы с тобой. Но никто и никогда в этом не признаётся. Даже ты. И правильно.

[пауза]

Ужасная ночь, Артур. Ужасная идея — звонить Вам. Ужасно, что мне это всё так важно.

ГОРОД НОМЕР ДЕВЯТЬ

представляет собой остров. Мы никогда ещё не жили на острове. И судя по тому, что лопочет Она, ей это кажется таким романтическим. Я уже в девятый раз вижу то, что разлюбил ещё на четвёртый раз.

В детстве мы копили монеты на аттракцион с горками, куда нас по ростовому ограничению не пускали. И когда, наконец, хватило мятых бумажек на двоих, и высоту, с которой я смотрю на пол, сочли приемлемой, уселись мы в свои кресла, пристегнули нас ремнями, я гляжу на Неё, а у Неё глаза такие, что в них салют отражается. И никто его больше не видит. И говорит Она на глубоком вдохе, представляет, как мы сейчас полетим репетировать ощущение бегства.

Вот перед каждым городом примерно то же самое. Она меняется в интонациях и зрачках. Сначала я купился на эту внешнюю переменную, рассчитывая, что Она такой и останется, но нет же. Все салюты какие-то кратковременные.

А тут остров. Остров — это особый случай, которого в нашей жизни ещё не было. Ладно, даже меня трогает этот зрительный обман: остров далеко обособился от су-

ши и кажется, что через море всё, что раньше мешало нам спокойно жить, не дотянется. Если только не даст взятку продажному чиновнику, который потом решит соединить остров и материк мостом. Мои искренние пожелания ему заранее обвалиться.

Остров выбрала Она и салюты у неё в зрачках обзавелись новым спонсором. Таким, который прямо не скупится на пиротехнику. Потом Она три раза спросила меня, почему я не смотрю Ей в глаза.

Короче. Три часа пути от материка — и ты здесь. По моим меркам здесь чуть холоднее, чем предполагает мой комфорт. Это не тот остров, который в солнечное время покрывается обнажёнными телами по линии пляжа. Да и подъём от воды к обитаемой местности такой крутой, что спускаться назад к воде не захочешь. Если только это не твой поход в один конец, когда ты решил утопиться. И то проще прыгнуть с выступа. Умрёшь раньше, чем оценишь удовольствие наполнения лёгкими ледяной водой.

Это остров погоды для свитера. А свитеров здесь живёт порядка всего-то двух тысяч. И с самыми близкими соседями мы уже успели познакомиться на званом ужине. Званным его только Она называет, гости вообще говорят, что это непременно Ритуал Знакомства.

Я назвал его церемонией посвящения в свитеры. Мы были приняты вопреки нашим странностям. А может, и благодаря.

СПИСОК ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ ОСТРОВА

1. Модный свитер по имени Агата.

Круглолицая (да и круглотелая) медсестра лет под тридцать в больнице Елены Грин. Подчёркивается её образ пышными тёмными кудрями. И низким голосом, который она прокурила, выбегая из больницы на улицу в рабочие перерывы. Агата по-модельному ухоженная и постоянно на диете, но всё же при пышном теле, что всё равно не лишает её обаяния. И всеми силами борется с запахом сигарет, преследующим её. Имеет южные корни, что отчётливо прослеживается в её экзотичной внешности, но живёт на этом острове всю жизнь, одна воспитывает маленького сына и как-то даже слишком гордится показной независимостью от мужчин. От неё веет не столько сладким парфюмом, которым она пытается перебить табак, сколько песней «I Will Survive».²

Агата Ей не понравилась с первого взгляда. Или с первого

² «I Will Survive» («я выживу») – знаменитая песня Глории Гейнор о разрыве с любимым человеком, который автор намеревается гордо пережить.

моего на неё взгляда.

2. Добрый свитер тётушка Белла.

Что очень важно, слово «тётушка» не отделяется от слова «Белла». Если вы говорите о какой-то Белле, то точно говорите не о ней. Тётушке Белле, может, лет пятьдесят, может, шестьдесят, а может, и семьдесят, и она знаменита тем, что в ней уживаются сразу две личности: тётушка-советчик и тётушка-кулинар. Если легенды не врут (а судя по её поведению за столом, они не врут), к её домику постоянно прибывает кого-то волной голода или тоски. Тётушка Белла оставила позади лучшие годы и любит окунуться в чужую беду. Готовить она тоже очень любит. Когда что-то на нашем столе сравнивали со стряпнёй тётушки Беллы, это было высшей формой лестии. Муж тётушки Беллы скончался так давно, что упоминается он только тогда, когда тётушка Белла хочет вспомнить славную и поучительную историю. Время от времени её навещают более молодые родственники с континента. Живёт она за счёт сериалов по телевизору и в реальной жизни. Чем она ещё занимается, я так и не понял.

3. Жёлтый свитер по имени Лука.

Вообще его очень часто называют «такси». Можно сказать, Лука — целая организация наёмного перевоза граждан острова в любую его точку. Он же и водитель. Зна-

ет не только абсолютно каждый свитер в городе, но и весь остров досконально, возить может с закрытыми глазами. Хотя это никто ещё не проверял, потому что полетать со скалы в его жёлтой машине не хочется. Лука очень доброжелательный. И очень болтливый. Даже жадный до разговоров за жизнь. Если на острове появится немой, он откажется его возить, пока тот не научится говорить. И потом будет гордиться этим — вылечил неизлечимого. Болтать он обожает примерно так же, как я — составлять списки. Любимый предмет его шуток — водители общественного транспорта острова. За столом проявил самый пылкий аппетит и хвалил все блюда, немного вызывая ревность у тётюшки Беллы.

Чуть не забыл, у Луки есть жена и некоторое количество детей. На званом ужине они не присутствовали, да и вообще неизвестно, выходят ли они из дома. Я ещё не совсем понял, семья это его или жизненная обязанность, но Она сказала мне, что вероятен только второй вариант.

4. Тёплый свитер Дея.

В числе прочих мне даже не сразу удалось заметить её, но имя запомнилось сразу. Она сперва показалась мне молчаливой, но оказалось, что она просто не заставляет себя под гнётом этикета поддерживать темы, которые ей не интересны. Провела на острове своё детство, потом уехала на континент, и подробности о её жизни там ис-

тория умалчивает. Известно только, что Дея стала психологом и вышла замуж, воспитала дочь. На остров вернулась уже в возрасте, близком к пятидесятилетию (выглядит Дея значительно моложе), на континент выбирается, как я думаю, только к могиле дочери. Именно Дея снабжает всех свитерами. Она очень неплохо шьёт. Куда делся муж, спрашивать неудобно, да и смысла особо не имеет.

5. Хипстерский свитер по имени Артур.

Очень неприятный педантичный рыжеволосый тип. Своей внешней «приличностью», которая мне кажется только его панцирем, напомнил мне Упыря. Моё невезение состоит в том, что он — уважаемый доктор в больнице имени Елены Грин и все почему-то так очарованы им, даже Она, похоже. Проявляет нездоровый интерес к нашей загадочности в духе тётюшки Беллы. Со всей вежливостью обещает помочь не только с моим обследованием, но и выздоровлением, а Она даже не даёт мне шанса отказаться от его помощи. Категорический противник курения, и вообще очень надменно смотрит на всё, что не вписывается в здоровый образ жизни. Хотел сделать Ей комплимент по части отличной готовки, но не получилось — готовили-то мы с Ней вместе. К удивлению всей женской половины острова, до сих пор не женат. Ну, или женат на своей работе, как он сам «остроумно» подметил.

6. Чёрный свитер Зара.

Не имею понятия, как она вообще оказалась на этой церемонии. Возможно, только из-за того, что её дом как раз напротив нашего. И в это в общем-то всё, что я могу о ней написать, потому что больше ничего мне неизвестно. Я бы объяснил заголовок её пункта её мрачностью, но свитер у Зары действительно чёрный. Как и волосы. С самой первой встречи, которая состоялась ещё до ужина, случайно, мне хочется её нарисовать.

Она не из тех, кого бы подвёз Лука.

7. Свитер не по погоде Регина.

Самая молодая среди нас, но тяготит своим присутствием всех. Она приехала на остров четыре года назад, отец выселил её сюда в качестве воспитательной меры. Регина всё время говорит, что вот-вот на днях уезжает с острова в «нормальную жизнь», но это «вот-вот» длится как раз все четыре года. Постоянно подчёркивает своё обеспеченное положение, утверждает, что прекрасно поёт и однажды мы по телевизорам увидим её на большой сцене континента. Истории её жизни зависят от её настроения, общее в них только одно — она пережила нереальные страдания и приключения, каким-то чудом выжила в них, а на остров её отправили реабилитироваться. Не умеет курить, но всегда носит при себе сигареты. Заработала себе много проблем со здоровьем, поэтому регулярно наведыва-

ется в больницу. Я не врач, но отчётливо вижу в ней только один диагноз — ипохондрия. А вот Она заметила в Регине ещё и сильный интерес к Артуру. Если Регина когда-нибудь уедет отсюда, на континент обрушится сильный ветер, вызванный нашим общим вздохом облегчения.

8. Унылый свитер Эльдар.

Унылый, потому что трудно быть учителем с жизнью на виду у своих учеников. Одеваться приходится скучно, да и вообще все свои проделки тщательно прятать от общества. А в том, что проделки у него ого-го, отчего-то не сомневаюсь ни я, ни тётюшка Белла. Что преподаёт в школе Эльдар, я так и не запомнил. Главное, что запоминается в Эльдаре — его хитрый скрытный вид енота, который что-то стащил у тебя и смотрит, прикидывая в уме,образишь ты об этом или нет. Все думают, что именно он отец ребёнка Агаты. Что-то я уже жалею, что выделил Эльдару отдельный пункт в своём списке. Любовь к сигаретам он тоже пытается скрыть. Думаю, с алкоголем то же самое.

9. Свитер с якорями по имени Рубен.

Рыбак. Она говорит, что он и остров — единое целое. А мне кажется, он слился воедино не с островом, а морем, которое его омывает. Он всегда знает, что там, у подножия скал, он спускается к воде ежедневно. Именно он сдал

нам дом, но запах рыбы отсюда забрал не окончательно. Кстати, он и вправду ходит всё время в одном и том же свитере с якорями. В нём он встречал нас, в нём явился на церемонию посвящения, в нём каждый день шагает к спуску. Ему его Посейдон подарил, отвечаю.

Девятый остров — земля одиночек. И среди них появляемся мы. Одиночка в двух телах. Мы точно не разочаровали местных жителей.

Кстати, вот что забыл написать.

Когда мы впервые сели в кресла аттракциона, на который так долго копили, и всё-таки прокатились на нём, он разочаровал нас обоих. Просто пока мы копили рост и монеты, оказалось, что мы переросли эти горки. Полёт не хватил нас.

Вот только мы оба тогда в этом не признались.

М

III

9.10.2017. 00:24.

Я забыла предупредить Вас. На тот случай, если Вы всё же захотите перезвонить и что-то ответить на весь сумбур, которым я с Вами поделилась. Хочу, чтобы Вы знали, что завтра Вы не сможете дозвониться к нам домой. Можете принять эстафету голосовых сообщений и наговорить мне что-нибудь, но я не имею понятия, когда услышу Вас.

На мобильный телефон тоже будет бесполезно пытаться звонить. Я не уверена в том, будет ли он вообще со мной завтра.

Вы и сами понимаете, операция эМ. Тайный донор, имя которого Вы так хотели выяснить. Вы, конечно, видели, что родственники пациентов бесконечно теребят мобильники в руках, когда ждут своих из операционной. Это из-за того, что они торопят тот момент, когда ситуация прояснится, они разблокируют не только гаджет, но и свою голову, и начнут всем звонить, чтобы рассказать, как же всё прошло. Сиротам звонить некому. Я буду теребить только связку ключей от нашего дома, мечтая о благополучной выписке эМ. Я люблю касаться ключа от задней двери. Он существует в единственном экземпляре, у него нет близнецов, и он всегда хранится

только у меня. Проводя по нему большим пальцем, я вспоминаю, как добродушный Рубен — он ведь всегда в приподнятом настроении? — отдал мне его и сказал, что замок задней двери иногда заедает, а если мы желаем копию ключа, то нам придётся добираться на другой конец острова, потому что дубликаты теперь делают только там. ЭМ кивает ему в ответ, спрашивает о транспорте на острове и прикидывает, часто ли нам нужно будет пользоваться задней дверью. А я просто смотрю, как этот маленький, до неприличия одинокий ключ устроился у меня на ладони, думаю о том, какое же это неправильное дело — создавать дубликаты таких вещей. Лишать их единственного, что у них есть, — уникальности.

«Но в компании дубликата ему было бы не так одиноко», — говорите Вы?

Не правда. Совсем не правда.

Одинокий подходит к зеркалу, видит своё отражение, от этого его одиночество не становится ни на йоту меньше. А вот недостатки сразу бросаются в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.